от его имени кем-то, хорошо знавшим его быт».[12] С этой новой трактовкой, мне кажется, едва ли можно согласиться. Фуников, конечно, не считал себя безгрешным перед своими восставшими крестьянами и понимал, что теперь они сводят с ним старые счеты за его старые «грехи», причем рифма «шашни» напрашивалась сама собой, если его действительно собирались сбросить «с башни». Мера же эта, как известно, нередко применялась крестьянами во время восстания по отношению к их угнетателям — помещикам: «многих воевод и дворян розличными муками мучили, и их с башни кидаху, иных с мосту в ров»;[13] «бояр и воевод и всяких людей побивали разными смертьми, бросали с башен».[14] Широко используя в «Послании» народный юмористическо-прибауточный стиль, Фуников применил здесь и нередкий в народном творчестве прием иронизирования над самим собой, что В. П. Адрианова-Перетц сама отметила в своей первой статье, приведя несколько соответствующих примеров из народных пословиц.[15] Такие примеры иронизирования над собой встречаются и в других жанрах народного творчества; укажу хотя бы широко известную, вошедшую даже в школьные учебники народную «разбойничью» песню, отразившую тяжелую крестьянскую жизнь при крепостном праве:

Как за барами житье было привольное,
Сладко попито, поедено, похожено,
Вволю корушки без хлебушка погложено,
Босиком снегу потоптано,
Спинушку кнутом попобито...

Вспомним также в насыщенной элементами народного творчества «Повести о Горе и Злочастии» горькую иронию над собой «молодца», когда, проснувшись в кабаке, он увидал, что «вся собина у его ограблена»: «Житие мне бог дал великое, ясти-кушати стало нечево!».[16]

Итак, первая часть «Послания» носит, как видим, чисто личный, автобиографический характер. Описание разгрома своего поместья восставшими крестьянами Фуников адресует какому-то богатому, а может быть, и власть имущему покровителю, не называя его, правда, по имени, а давая лишь общую характеристику в униженно-угоднических выражениях: «благих подателю и премудрому наказателю, нашего убожества милосерде взыскателю и скудного моего жительства присносущу питателю». С. К. Шамбинаго высказал было предположение, что автор «Послания» «определенного адресата... и не имел в виду, а обращался к чита-

---

[12] В. П. Адрианова-Перетц. Русская демократическая сатира XVII века, стр. 239.

[13] Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. XII, гл. 1, прим. 47, со ссылкой на Никоновскую летопись.

[14] Там же, со ссылкой на Столяровский хронограф. (Разрядка моя, — *А. Н.*). Последнюю цитату приводит также И. И. Смирнов со ссылкой на А. Попова: Изборник, стр. 331 (Восстание Болотникова, 1951, стр. 462, прим. 3). Он же сообщает аналогичные документальные данные о некоем Ишее Барашеве, попавшем в руки восставших во время осады Тулы правительственными войсками: «и его взяли в полон, и приведчи на Тулу, били кнутом, и медведем травили, и на башню взводили, и в тюрьму сажали, и голод и нужду терпел» (там же, стр. 462). Добавлю еще одну цитату из челобитной братьев Сухотиных: «В прошлом... во 115-м году, как зачалась в Украинских городех смута, и в те поры отца нашего Денисья воры убили з башни, а животы... все разграбили... А поместейцо, отца нашего выслугу, розграбили без остатка (ЧОИДР, 1915, кн. 4, стр. 112. Подчеркнуто мной, — *А. Н.*).

[15] ТОДРЛ, т. IX, стр. 76.

[16] П. К. Симони. Повесть о Горе и Злочастии... — СОРЯС, т. 83, № 1. СПб., 1907, стр. 33.